

ВЫЯВЛЕНИЕ МОСКОВСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОРМ XVII в. ПУТЕМ СРАВНЕНИЯ С ПЕРИФЕРИЙНЫМИ ДАННЫМИ

В XVI—XVII вв. русская живая народная речь получала литературную обработку главным образом в деловой письменности. В зависимости от разновидностей последняя степень обработки была различной. Существует, например, мнение, что "наиболее обработанным следует признать язык статейной письменности, а более открытым для местных языковых явлений — язык эпистолярной и актовой письменности"¹. Заметим: не только статейные списки, но и другие произведения Посольского приказа отличает литературная обработанность. В основе своей народный, язык письменности Посольского приказа считался образцовым настолько, что в свое время И.А. Мусин-Пушкин предложил А.И. Поликарпову исправить перевод Географии так: "Со всем усердием трудися и высоких слов славенских класть не надобеть, но Посольского приказу употреби слова"². Не случайно, М.В. Ломоносов в Материалах к Российской грамматике упоминает "О приказном штиле", а также "О старинных штилях из разных архивов"³. Выделяя эти штили, М.В. Ломоносов, по-видимому, считал их немаловажными компонентами узואльно сложившейся литературной нормы.

В старорусской деловой письменности отмечают прежде всего сложение узואльных грамматических норм: "Проведенные в последние 2—3 десятилетия многочисленные исследования грамматики деловых текстов XVII в. свидетельствуют о существовании общих во всем государстве грамматических норм для деловых текстов... обработка черновых текстов при составлении беловых документов, правка подъячих говорят о том, что к этим нормам стремились"⁴.

Каким образом достигалось это единство грамматических норм в деловой письменности того времени при отсутствии в письменном обиходе собственно русской грамматики (были только церковнославянские), орфографических пособий и собственно русских словарей? Пользовались так называемыми образцами и азбуками. "Делопроизводственные документы правительственных учреждений, — пишет С.О. Шмидт, — составлялись в XVI—XVII вв. по определенной форме: соблюдалась последовательность в расположении материала, употреблялись выработанные практикой формулы, причем формуляр документов в течение XVI—XVII вв. мог и изменяться. В специальных "образцовых книгах" помещались образцы документов; типы "деловых" бумаг и писем приводились и в азбуках, предназначенных

¹ Панин Л.Г. Лексика Западносибирской деловой письменности XVII—первая половина XVIII в. Новосибирск, 1985. С. 6.

² Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. 3-е изд. М., 1982. С. 82—83.

³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии, 1739—1758 гг. М.; Л., 1952. С. 606, 608.

⁴ Полякова Е.Н. Лексика местных деловых памятников XVII—начала XVIII века и принципы ее изучения. Пермь, 1979. С. 16.

для чтения и переписывания. Этим образцам пытались следовать и в правительственных учреждениях (центральных и местных), и в канцеляриях крупных феодалов (светских и духовных), и "площадные подьячие", писавшие челобитные и другие бумаги"⁵.

Вместе с общими правилами составления деловых бумаг естественно в определенной степени усваивались и представленные в образцах узуально сложившиеся в приказной практике лексико-грамматические нормы. Взял старое письмо, чтобы "с него учиться писать", — так оправдывался некто Челищев, когда его обвинили в краже документов из Разрядного приказа (Москва, 1616 г., Прик., стб. 2, л. 137).

Своеобразными образцами для периферийных писцов являлись грамоты центральных приказов. Так, отписки воевод и другие ответы Москве начинались обычно старательным, часто слово в слово, повторением распоряжений из Москвы, а затем следовали ответы по каждому пункту распоряжений. Например, на предписание "распросить подлинно" подьячего Савинку Нефедьева, пытавшегося сжечь съезжую избу, "по какомъ он умышленю зеле|с сѣроу и со лном здѣлав и свечи поставя хотел| сѣѣзжю| и кабацкую избѣ и город жеч| и хто с нимъ в том воровствѣ| в думе был и нѣт ли ѡ него какие... (Белг., стб. 8, л. 47—48), был дан ответ, начало которого почти слово в слово повторяет приведенное предписание: ... *взяв таво Савинка| распросит подлинна по какому он умышле|ню зелья с серау и со лнамъ зделав и свечи| поставя хател съезжую избу и кабацкую| пустую избу и город (второе о исправлено из а) жеч и хто с ним в том воров|стве (первое о исправлено из а) был и нет ли у него какие измѣны или| ссылки ѡ том зажигань с литовскими лю|дми или у него в томъ варовском зажеге| хто был в думе изо брянских людеи и ѡ том| велено таво Савинка роспрашиват всяким[и] мѣрами и пытать накрепко (о исправлено из а) и ѡгнем жеч| что б у него таво дапытатца по какому он| умышленью так зделол (о исправлено из а) да будеть он в то[м] воровстве учнет на ково (первое о исправлено из а) говорит (второе о исправлено из а) и тех людеи| по таму же вѣлено роспрашиват накрепк[о] и сыскават всякими ѡбычен и хто давед[е]тца да пытки и тех людеи велено пытал| и для они какого умышления съезжую изб[у] и кабацкую хатели зажечь да что под|ячей Савинько и те люди на которых он| учнет говорит (второе о исправлено из а) в роспросе и с пытки скажут и их| роспросные и пыточные речи велено при|слать ко гедрю црю и великому кнзю Миха[и]лу Ѳедоровичю всеа Руси к Москве (Там же, л. 52).*

Именно в начальной части ответа встречаются, в частности, исправления написаний, отражающих местное, южновеликорусское, акающее произношение, на правильные, принятые в то время в орфографическом обиходе. Слова, которые были исправлены в начальной части расспросных речей (*город, воровстве, воровском, накрепко, кого, говорит*), далее в свободном от московского образца изложении местных событий переданы уже в соответствии с приказным правописанием: *воровство, воровского, говорил* (л. 53); *ково, города* (л. 54);

⁵ Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973. С. 94—95.

говорил, воровство (л. 56); в слове *накрелко* (л. 56) так же, как и на л. 52, *о* исправлено из *а*. Ошибочное исправление *о* из *а* в слове *зделол* (л. 52) обязано перестраховочному равнению на орфографию. Далее писец выводит: *делал, зделал, зделат* (л. 54).

Заметим, что в южновеликорусской письменности исправления отражений аканья в общем достаточно редки. "В некоторых случаях о былом состоянии... правописания свидетельствует крайняя малочисленность, редкость исправлений. Проследивая передачу безударных гласных в южновеликорусских отказных книгах, мы сталкиваемся как раз с таким явлением. Отражения редукции этих гласных (имеем в виду прямые и косвенные), не согласуемые с фонематической орфографией, в книгах многочисленны, но редко когда исправляются, хотя среди составителей книг выступают и профессиональные писцы — площадные, церковные и другие дьячки, а порою и подьячие, казалось бы, более или менее знакомые с орфографией"⁶. Исправления в приведенном тексте внесены по образцам, представленным в московской грамоте. Примечательно то, что и далее, вслед за повторением московской грамоты, писец производит исправление в соответствии с ее правописанием.

Сопоставление некоторых южновеликорусских челобитных и воеводских отписок с соответственными грамотами из Разрядного приказа дает представление и о том, что считалось в Москве лексически нормативным. Сопоставление оказывается возможным потому, что в ответных грамотах челобитные и отписки излагались более или менее подробно.

Грамоты⁴ составлялись в два приема. Сначала писец, видимо, подьячий, сочинял своеобразную "заготовку", в которой наличествовала прежде всего неизменная, традиционная формула "от царя и великого князя...", вслед за ней излагалось содержание челобитья или отписки и в конце — решение по челобитью или наказ воеводе. Затем редактор, вероятно, дьяк выправлял текст "заготовки", обращая особое внимание на юридическую суть грамоты. По окончании правки проставлялась дата оформления документа. Черновой экземпляр вместе с челобитной или отпиской оставался в Разряде. На периферию посылали белой экземпляр грамоты.

Приведем в качестве иллюстрации одну из елецких челобитных 1625 г. и ответную грамоту на нее, представив тексты в расчлененном виде: текст периферийной челобитной, а параллельно — тот же текст, но уже воспроизведенный в Москве.

Челобитная

|л. 505| Црю гсдрю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Рси| бьет челом бгомolec твою

Ответная грамота по челобитной ("заготовка")

|л. 507| От цря и великого князя Михаила Федоровича всеа Рси| на Елець сто|никы ншмъ и воево-

⁶ Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980. С. 28—29.

гсдрвь Елецкаго уѣзду
Засосенскаг| стану пят-
ницкаи поп Исаище жала-
ба гсдрь мнѣ на елч[ан]]
дтеи (так!) боярских на
Михаила Стары|гина да
на Ивана Л[а]пыгина и на
их братю неслуживых на
Ждана Стары|гина да на
Кузмь Лапыгина дѣлѣс гсдрь
в прошламъ въ РКШ м году
после литовскаг розореня
ѿ Покровѣ
ндлю спусте
отнел ѿ меня
бгомолца твоег
тот Иван| Лапыгин
кабылу
гнеду аргамачю семи лѣтъ
а к[о]быле гсдрь
цена двенацат рублевъ
да тот жа гсдрь| Иван
Лапыгин
в ннешнем въ РЛГ м году
по Роже|ствѣ Хрстве
во вторник
меня бгомолца твоег
лаел| всякаю неподобную
лаею
и попадишкѣ маю лаел| и
бесчестил
и бабылка
моег Кирюшку Игнатова|
и снял с него пят рублевъ
денег
а тот гсдрь
Кузма| Лапыгин взял
в меня
восмь рублев денег
на рож
и с тѣх мѣсть
и по ся места
ржи
ни денег
не адда|сть
а тот гсдрь Михаила Ста-
рыгин да Ждан

де княю Ѳедорь Он| дрѣви-
чю Елецкому бил намъ че-
ломь| Елецкаг уѣзду Засо-
сенского стану пят|ни-
цкои поп Исаи на елчан де-
теи бо|ярских на Михаи-
ла Старыгина да на| Ивана
Лопыгина и на их братю
на Куз|къ Лопыгина а сказал

в прошлом де в РКШ м году

после Покрова
ндлю| спѣстя
отнел де ѿ нег

тот Иван Лопыгин
кобыль
гнедѣ аргамачю семи лѣт

цена двенацат рублев
да

в ннешнем де во РЛГ м году
после Роже|ства Хрства

ево попа тот же Иван
лаел всякою непо|добною
лаею

и бобыля
ево Кирюшку| Игнатова
бил и грабил
и снял с него| пят рублев
денег
а тот де
Куземка| Лопыгин взял
ѿ нег
денег восмь рѣб|лев

и с тѣх де мѣсть

тѣх емь денег
не отда|сть
а тот де Михаило Ста|ры-
гин да Ждан Старыгины

въ про|шламъ въ РЛА м году
перед спожином (так!)
загавенам (так!)
в недѣлю
вышел я бгомалец твои на
поля
на| свое жита сматривъ
ажно того
Михаила да Ждан[о]в|
члвкъ Родка
стережот
лошеди
на моеи ржи
и я то[го]| Михаила да
Жданова члвка Родку
почел
с тое ржи|
ссылат далов
и тот гсдръ Михаила да Ждан
Старыги|ны
рняс таму
что я члвка их
сослалъ с поля
да| лов
и приѣхав в город почели
меня бгомолца твое[го]|
лает

и всякими паѣоры пазорит
и травет гсдръ| у меня
тот Михаила да Ждан

ежгод хлѣбъ
а [по]| травил ъ меня две
десетины ржи да две десе|—
тины овса да десетину
пшеницы
на пали нас[и]| лствам
и сѣна касит
и пакосы крестьянамъ|
сваимъ велят портит
на телѣги траву кас[ят]|
и бабылишкавъ маих
по бесѣдамъ и па улиц[а]м|
бьют насилствам
и в лѣсъ ѣздеть
катораи дан| мнѣ бгомол-

в прош|лом же во РЛА м году
перед оспожиным же| днем
заговсином

вышел де он на| поля свое
смотрит ржи
и тог де
Ми|хаилов да Жданов
члвкъ Родка
стере|л. 508|режет (так!)
лошади
на ево хлѣбе
и он де тог| Михайлова да
Жданова члвка Родкв
вчел
своево (так!) хлѣба
ссылат
и тот де Ми|хаило да Ждан

рняс тому
что он| члвка их
с хлѣ(так!) своег сослал
долов

и лаел ево попа всякою
неподобною лаею

да| тот же де Михаила да
Жданка

потравил ъ нег| две деся-
тины ржи да две десятины|
овса да десетину пшеницы

и сѣ|на косит
и покосы травит

и бобы| леи ево

изобижает
и в лѣс ево ѣздат

цу твоему меш пашен и те-
 теря| и всякаю
 ловлю| лавят
 насилствамъ
 да снишку| гсдрь моему
 Пронки дано твое
 црьское жалава[нье]|
 памѣстьица
 на Елцѣ РК четвертеи
 а мнѣ бго|молцъ твоему
 дано пот церкав земли
 К четверте[й]
 |л. 506| а таму Михаилу
 Старыгину дано пятде-
 сять чет|вертеи смежна
 с нашими землями
 и тот гсдрь Михаи|ла Ста-
 рыгин поселился насил-
 ствам на нашей ѡсаде|
 млсрдый гсдрь црь и вели-
 кий кнзь Михаила Ѳедоро|
 вич всеа Рѣси пожалуи
 меня бгомолца своег ве-
 ли| гсдрь дат сваю гсдрву
 грамату па тѣх детеи
 боярских и па их братю
 несслуживыхъ дтеи (так!)
 бо|ярскихъ в моем грабе-
 жи и в лаи и в позоре и в бе-
 сче|сти а усаду гсдрь
 вели разделит по дачемъ|
 црь гсдрь смилуися пожа-
 луи (Прик., стб. 15, л.
 505—506).

и всякью
 ловлю| лавят
 насилством
 да| сну сво

на Елцѣ дват|цат чети
 а емъ попу под церков
 дано| дватцат чети
 а та де ихъ земля с тѣм|

Михилом смежна

и тот де Михаилу Стору-
 гин на их землѣ поселил-
 ся на|силством и бѣдет
 такъ как намъ| поп Исаи
 бил челом и как к тебѣ ся
 нша| грамота придет и
 ты б Михаила Ста|рыгина
 с товарищы которые в сеи|
 ншеи грамоте имяны при-
 саны велѣл| дат на порь-
 къ з записю а ꙗ порькою|
 ѡчинил имѣ срок стат на
 Москвѣ как| нша ннешняя
 лѣтняя служба минетца| в
 Розряде перед дякии ншии
 перед дѣмным| перед Ѳе-
 дором Лихачевым да и за-
 пис бы еси по них порьч-
 нью прислал к нам к Моск-
 ве на тот же срок (Прик., стб. 15,
 л. 507—508).

Сравнение челобитной и соответственной части ответной грамоты показывает, что южновеликорусские проявления не находят отражения в грамоте. Имеем в виду и опущенные написания, вроде *беседа* 'собрание людей', *неделя* — в смысле 'воскресенье', *в меня*, *вм.* 'у меня', и, особенно, измененные в грамоте в соответствии с приказными нормами, языковыми и правописными:

1) проявления аканья в периферийной челобитной: Елецкаго (уезда), кабылу, тот жа, бабылка, не аддасть, далов, пакосы, бабылишкавъ, котораи, пот церкав, насилствам, сматрит, травет; ср. в московской грамоте: Елецког (уезда), кобыль, тот же, бобыля, не отдасть,

долов, покосы, бобылям, которые, под церков, насилством, смотрит, травит; 2) вм. (неделю) *спусте* написано: *спустя*; 3) вм. южновеликорусского *лѣвят* (Зл. мн. ч.) в грамоте находим *ловят*. Ср. прозвищное образование Рыболае (Елец, 1593—1594 гг., Пом., кн. 26, л. 21 об.); 4) *жито* в смысле 'рожь на корню' заменено словом *рожь*, *ажно* — союзом *и* и т.д.

Редактирование грамоты в основном состояло в уточнении ее судебно-правовой стороны. Устранены некоторые фразы, не имеющие юридического значения. Уточнено употребление союза в следующем тексте: Иван Лопыгин ево попа лаел всякую непо|добною лаею и (исправлено на да) бобыля ево Кирюшку| Игнатова бил и грабил и (исправлено на да) снял с него| пят| рублев денег. Глагол *отдать* в предложении "взял в нег| всаем| восемь| рублев денег да по ся мѣста не отдасть" заменен глаголом *платит*. Предпочтение в подобной ситуации слова *платить* отмечено и в других случаях, например, в челобитной ельчанина 1627 г. написано: [денег] не *отдасть* (Белг., стб. 16, л. 153), а в передаче челобитной в грамоте: не *платит* (Там же, л. 254).

В окончательном виде грамота выглядит так: |л. 507| *От црѣа и великогѡ князя Михаила| Ѳедоровича всеа Рьси на Елецъ столникѡ ншмѡ и воеводе кнзю Ѳедорѡ Он|дрѣвичю Елецкому бил намѡ челомѡ| Елецког уѣзду Засосенског стану пят|ницкои пол Исаи на елчан детеи боярских на Михаила да на Ждана Старыгиных да на| Ивашка да на Куземкѡ Лопыгиных а сказал в прошлом де| во РКѢ м году после Покрова ндлю| спѣстя отнел в нег Иван Лопыгин| кобыль гнедь ар-гамачю семи лѣт| цена двенацат рублев да в ннешнем де| во РЛГ м году после Рожества Хрства| Иван Лопыгин ево попа лаел всякую непо|добною лаею да бобыля ево Кирюшку| Игнатова бил и грабил да снял с него| пят| рублев денег а брат ево Куземка| Лопыгин взял в нег| всаем| восемь| рублев денег да по ся мѣста не платит да в прош|лом же во РЛА м году перед оспожиным заговейном выходил он на| поля смотрит и Ми|хаила да Ждана члѣкѡ Родка потравил| л. 508| ево поповыхъ две| десятины ржи да две| десятины| овса да десятину пшеницы да сѣ|на де в него косять и лѣс секут и всякие вгоди владѣют| насилством и крѣстьян| ево избивают да тот же Михаило| поселился на церковнои их землѣ насилствомѡ и ево пожаловати велѣти тѣх детеи| боярскихъ в томѡ ево [бою] и в лае и в насилстве| поставит на Москвѣ к отвѣту и будет де так как намѡ| пол Исаи бил челом и как к тебѣ ся нша| грамота придет и ты б елчан Михаила Ста|рыгина с товарищи которые в сеи| ншеи грамоте имяны писаны сыскае велѣл| дат на порькѡ з записю а за порькою| вчинил имѡ срок стат на Москвѣ как| нша ннешняя лѣтнея служба минетца| в Розряде перед дяки ншми перед дымным| перед Ѳедором Лихачевым да перед Михаилою| да перед Ѳедором| и запис| бы еси по них порьчню прислал к нам к Москве на тот же срок писан на Москвѣ| лѣта 3РЛГ 2 марта въ КА де.*

В беловом экземпляре грамота приобретала юридическую лаконичность и четкость.

Оставляя в стороне иные местные черты, обратимся к отбору лек-

сических средств, осуществляющемся московскими писцами и редакторами грамот при передаче текстов челобитных. Существенно прежде всего то, что в окончательных текстах грамот обычно применяется лексика, не сопровождаемая в позднейших словарях литературного языка пометами *обл.* или *простореч.* Исключением в приведенном тексте является слово *изобижать*. Характерно, что в другой грамоте редактор его вычеркивает и пишет: *завла|дели* (Елец, 1625 г., Прик., стб. 15, л. 53).

Существовали определенные ограничения, обусловленные строго правовым назначением тех или иных деловых бумаг, которые (ограничения) регламентировали отбор лексических средств. Так, многие местные названия или элементы просторечия, встречающиеся в челобитных и означающие понятия, не имеющие юридического значения, в грамотах опускались. Например, предложение *тѣ ж крст[ья]ня впрякши борону да выскордили в мѣня д[е]сятину гречихи* (Елец, 1628 г., Белг., стб. 16, л. 467) с диалектизмом *выскородить* в грамоту не вошло, поскольку с юридической стороны достаточным было указания на бой и грабеж. Передавая в грамоте челобитную белевца 1623 г., в обороте на другой недели веливо (*так!*) поста с недели под по|недѣльник (Белг., стб. 9, л. 185) опустили старинное название воскресенья *неделя*. То же слово в том же значении также не вошло в грамоту из челобитной ельчанина 1625 г. (Прик., стб. 15, л. 505). В челобитной 1619 г. читаем: [бежал] в одних портках бес штанов| і без наговиць (Безгласн., стб. 13, л. 112), в грамоте слова *ноговицы* нет (Там же, л. 113). Вместо выражения *ходить на простицах* — о совершивших проступки и не наказанных — в ответной грамоте написано, а затем вычеркнуто: *ево товарыщѣ ходят| напрости* (Белгород, 1624, Прик., стб. 11, л. 496).

Выражения (*бежать*) с *животами* и *статками*, (поймать) *животы* и *статки* обычные в южновеликорусских текстах конца XVI -- начала XVII в. В московских грамотах образование *статки*, за редчайшим исключением, опускается. Ср. в курской челобитной 1620 г.: *животы статки* (Белг., стб. 4, л. 140), в грамоте: *животы* (Там же, л. 141); в орловской челобитной 1624 г.: *животами| статками* (Прик., стб. 11, л. 213), в грамоте: *животы* (Там же, л. 214); в рязанской челобитной того же года: *ѣ животишкоми и статки* (Прик., стб. 11, л. 279), в грамоте: *животы* (Там же, л. 280); в челобитной белгородки 1624 г.: *а животишки... моя и статки все по|имал собѣ* (Прик., стб. 15, л. 103), в грамоте: *и животишка де ѣ поимал собѣ* (там же, л. 104) и др., примеры легко умножить.

В немногих случаях, когда писцы вносят *статки* в грамоту, редакторы *статки* вычеркивают. Например, в грамоте 1621 г., в соответствии с челобитной белевца, писец написал: *животы и статки* (Белг., стб. 4, л. 34), редактор *статки* вычеркнул.

По данным картотеки ДРС образование *статки* зафиксировано в псковских, калужских, путивльских памятниках письменности, в Торжке, в актах Свирского, Онежского Крестного и Кирилло-Белозерского монастырей, Холмогорской и Устюжской епархий, двинских грамотах, в делах польских и документах, характеризующих русско-

шведские отношения, в карельских актах, т.е. памятниках, тяготеющих к западным, северо-западным, северным и юго-западным областям Русского государства. Широко употреблялось оно и в деловых памятниках юго-западной Руси — украинских и белорусских. По-видимому, в южновеликорусской области оно исторически было связано с письменностью юго-западной Руси. В письменности северо-восточной Руси, продолжением которой была письменность московская, *статки* встречаем редко. Например, в публикации духовных и договорных грамот великих и удельных князей⁷ встречаем его лишь в документах, извлеченных из Литовской метрики. В публикации актов северо-восточной Руси⁸ оно отмечено только в акте Кирилло-Белозерского монастыря и по гг. Холму и Торжку. Более широко это образование представлено в публикации актов XIV—XVI вв.⁹, включающей, в основном, материалы Иосифо-Волоколамского монастыря. Образование *статки*, видимо, не входило в активный словарь московского койне.

Название *через*, обозначавшее пояс, в котором хранили деньги, в то время общерусское, из челобитных переносится в грамоты: из челобитной орленина 1625 г. (Прик., стб. 15, л. 249) — в грамоту на л. 250; из ливенской челобитной того же года (Там же, л. 732) — в грамоту на л. 733; из курской челобитной 1620 г. (Белг., стб. 4, л. 144) — в грамоту на л. 146 и т.д. Однако редакторы слово *через* обычно вычеркивают, так как вполне достаточным было выражения *оборвал (снял) столько-то денег* без указания на то, что они хранились в *черезе*. Реже опускали это слово писцы грамот (1628 г., Белг., стб. 16, л. 561, 562; 1648 г., Прик., стб. 559, л. 274, 276).

Когда представленное в челобитной местное слово обозначало понятие, без фиксации которого в ответной грамоте не обойтись, местное слово в грамотах заменялось московским эквивалентом. Так, из челобитной курчан 1625 г. написание на *сяб|ров* (Прик., стб. 15, л. 359) было перенесено в грамоту, но редактор исправил: на *сосед* (Там же, л. 360); вм. написания с шабрами в воронежской челобитной 1625 г. (Прик., стб. 15, л. 548) в грамоте появилось: с *сосѣдми* (Там же, л. 549). Вместо слова *могорец* в челобитной ольшанцев 1646 г.: *заста|вливают делат все на себя даромь| а могорцу нам не платят* (Прик., стб. 162, л. 313), в грамоте появляется словосочетание *деньги за работу*: *а за рабо|ть де имь денег не дасте* (Там же, л. 314).

В челобитной 1624 г., писанной ельчанином, читаем: *наимал... сенажат касит сено* (Прик., стб. 15, л. 114), а редактор грамоты оставляет: *посылал он крестьян... по сено* (Там же, л. 115). Перенесенное писцом из курской челобитной 1622 г. (Белг., стб. 9, л. 420) в грамоту *сеножатье* (Там же, л. 421) было вычеркнуто редактором.

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. /Подгот. к печати Л.В. Черепнин; Отв. ред. член-корр. АН СССР С.В. Бахрушин. М.: Л., 1950.

⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. /Отв. ред. Б.Д. Греков. Т. I—III. М., 1952—1964.

⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков /Отв. ред. С.В. Бахрушин. Ч. 1—3. М., 1951—1961.

Вместо "сѣножати косят" в челобитной, поданной медынцем в 1627 г. (Белг., стб. 16, л. 313), в грамоте появляется написание: сѣно косят (Там же, л. 315). В челобитной кречетника, владевшего поместьем в Лебедянском у., написано: [владеть] диким полем и сенож[а]т|ю (1627 г., Белг., стб. 16, л. 605), в грамоте упомянуто лишь *дикое поле*, а на месте слова *сеножать* видим *сенокос* (Там же, л. 606). Относительно широкое употребление названия *сеножать* в памятниках южновеликорусского происхождения, в отличие от московского письма, было, вероятно, обусловлено близостью с Украиной и Белоруссией. На Украине и поныне место косьбы — *сіножать*, а в Белоруссии — *сенажаць*. "На протяжении XVII в., — замечает С.И. Котков, — *сеножать* постепенно выходит из южновеликорусской письменности"¹⁰. Известную роль в этом процессе сыграла московская письменность.

Два зипуна серых, о которых в 1623 г. писал в челобитной белевец (Прик., стб. 11, л. 115), в грамоте упомянуты без определения (Там же, л. 117), а затем это упоминание было вычеркнуто и вместо него дописано: *каэтана сермяжных*. Курченин в 1623 г. упоминает *зипун сермяжноу нов* (Белг., стб. 9, л. 458), а писец грамоты выводит: *коэтан сермяжноу|новои* (Там же, л. 459). Сближение зипуна с кафтаном было, вероятно, обусловлено известным неразличением их в быту. Примеры подобного неразличения отмечены и в южновеликорусских текстах XVII в.¹¹ О нем свидетельствует и правка редактора в грамоте 1625 г.: *зипун син но|строшил* исправляется: *каэтан настроѣлен* (Прик., стб. 15, л. 250). В этом случае могло сказаться и то обстоятельство, что при общем неразличении крестьянских кафтанов и зипунов, например, в курских местах верхнюю крестьянскую одежду из окрашенного сукна синего цвета, в отличие от некрашенной сермяжной, называли кафтаном (Слов. Акад., т. II, вып. 9, 1907 г.).

В массе случаев слово *зипун* из челобитных переносится в грамоты. Но замена его в некоторых текстах словом *кафтан* дает основание считать, что слово *зипун* в XVII в. не осознавалось стилистически нейтральным. В Словаре церковнославянского и русского языка, составленном вторым отделением императорской Академии наук, слово определено как простонародное (Т. I, СПб, 1867, стб. 175).

Представленное в челобитных *утекать* в значении 'спасаться бегством, убежать', заменялось в грамотах глаголом *уйти*. Ср.: *ѣтекъ* (Лихвин, 1623, Прик., стб. 11, л. 24), но: *ѣшли з дороги* (л. 26); *ѣтек на лес* (Елец, 1622, Белг., стб. 9, л. 536), но: *ѣшол на лес* (л. 537).

В челобитной орленина, датированной 1623 г., в значении 'смазать', 'подговорить' выступает слово *сбаять*: *том|жа...* Васке Ондрѣев *збаел...* племени|цу (Прик., стб. 11, л. 222), а в грамоте: *Васка Ондрѣевъ под|говориль...* племянницъ (Там же, л. 223); в ливенской

¹⁰ Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII ввек. М., 1970. С. 67.

¹¹ Там же. С. 158—159.

челобитной 1625 г.: збаели... сынишка (Прик., стб. 15, л. 222) — в грамоте: подговорили (Там же, л. 223).

Примечательна замена славянизма *блюстись* образованием *бояться*. В отписке брянского воеводы, посланной в 1625 г.: и тот Нехорошоу учел говорит поп де ково|блюдетца к тому наперед ходит а нас де не блю|детца надабна де папу плеш розбит (Прик., стб. 14, л. 139), не извещал де... он вам про то по|таму блюлся от тово Нехорошево... убийства (Там же, л. 141), в грамоте: и тот де Нехорошеи говориль... ково де он боитца к томѣ наперед и ходит а их де не боитца|чтоб де ево побит (Там же, л. 144), не|извещал он на нег Нехорошево|тог слова по са мѣста боась|от него... убийства (Там же, л. 145).

Слово *соблюденье* заменяют словом *сбережение*. В челобитной карачевца 1622 г.: поставил на соблюдена, взял на зблюдена (Белг., стб. 9, л. 38), в грамоте: поставил для збѣреженья, поставил|на збереженья (Там же, л. 41, 42); в новосильской челобитной 1625 г.: поставил... на соблюденье (Прик., стб. 15, л. 262), в грамоте: [поставил] на збереженья (Там же, л. 264).

Как видим, слова, неприемлемые для московской нормы, либо опускались (*статок*, *выскородить*, *ноговица*, *неделя* в знач. 'воскресенье'), либо заменялись эквивалентными по смыслу, которые в то время являлись общеупотребительными (*сосед*, *сенокос*, *подговорить*, *бояться* и др.).

В челобитных и отписках воевод или иных деловых бумагах, написанных на периферии, диалектизмы и явные просторечные элементы были более или менее обычными, но в исходящих из центральных приказов грамотах они появлялись редко под пером недостаточно опытного писца или по недосмотру редактора. Вместе с тем необходимо отметить: из славянизмов использовались только те, которые в общем вписывались в стилистическую нейтральность документа.

Наличие отдельных лексических и иных диалектизмов в старинной деловой письменности служит одним из оснований, по которым язык этой письменности весь, в целом своем составе, выводится за пределы литературного. Однако при строгом отграничении письменности образцовой приказной от периферийной деловой, литературность приказного языка не вызывает сомнения: "...московский приказной язык, почти свободный от церковнославянизмов, к началу XVII в. достиг большого развития и имел все данные для того, чтобы вступить в борьбу за литературные права с языком славяно-русским", — писал В.В. Виноградов¹², имея в виду борьбу за права уже в сфере художественной литературы. Образцы языка московской приказной письменности содержали все признаки литературного языка, если исходить из такого его определения: "Литературный язык... — разновидность языка, возникающая вместе с появлением классового общества, для которой характерны: 1) обязательное наличие развитой письменности, поднимающей речевой текст на более высокую ступень организованности, придающей языку свойства средства общения, не ограни-

¹² Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 29.

ченного рамками пространства и времени; 2) известная обработанность, относительная наддиалектность, стремление к устойчивости, поддержанию традиций..., скрытая кодификация, т.е. ориентация на нормы, представленные в тех или иных литературных документах; 3) функционирование в качестве средства цивилизации, обслуживание государственных и иных нужд общества и его отдельных членов, групп, сословий и т.п."¹³.

Литературная нормированность письменного языка центральных московских учреждений имела своей основой, с одной стороны, приказную традицию, с другой, — московское койне, которое в XVII в. было вполне сложившимся, "способным активно нейтрализовать лингвистические влияния извне и определяющим образом воздействовать на формирование языка"¹⁴.

Мы ограничились сравнением лишь некоторых южновеликорусских и московских приказных данных, но и эти данные показывают, что писцы московских приказов достаточно твердо ориентировались на вполне определенные, можно сказать, литературные нормы. Сравнение с московскими приказными, помимо южновеликорусских, и других периферийных данных, полагаем, может существенно прояснить формирование литературных норм в русском языке того времени.

Принятые сокращения

Безгласн. — ЦГАДА, Разрядный приказ, Дополнительный отдел
Белг. — ЦГАДА, Разрядный приказ, Белгородский стол
Пом. — ЦГАДА, Поместный приказ
Прик. — ЦГАДА, Разрядный приказ, Приказный стол
Прик. д. стар. лет — ЦГАДА, Приказные дела старых лет

А.П. МАЙОРОВ

ФОРМУЛЯР И ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ ЯВОЧНЫХ ЧЕЛОБИТНЫХ

Изучение деловой письменности XVII в. представляет большой интерес во многих аспектах исследования истории русского языка, таких, например, как проблема его национального развития, взаимоотношения литературного и народно-разговорного языков, взаимодействия последнего и приказной традиции.

В настоящее время уделяется пристальное внимание дифференцированному изучению памятников деловой письменности. Это не случайно, так как со всей очевидностью обнаруживается зависимость характера этих источников от их назначения. Отражение в деловой

¹³ Филлин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 189.

¹⁴ Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974. С. 282.

¹ Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970. С. 10.